

Степанова Т.Е.

Доцент Самарского института – филиала Российского торгово-экономического университета,
кандидат экономических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ, ОСНОВАННОЙ НА ЗНАНИЯХ, В РОССИИ

В статье исследуется возможность перехода России от индустриальной фазы развития к экономике, основанной на знаниях. Анализ существующих позиций ученых – экономистов и практиков позволил автору выделить два подхода: центристский (пессимистический) и центробежный (оптимистический) – и определиться с собственной позицией по данному вопросу.

Процесс движения к экономике знаний, кардинально изменяющей расстановку сил в пользу интеллектуальных ресурсов, объективно является сложным, противоречивым и многовариантным. Это определило острую дискуссионность и полярность в понимании происходящих процессов, а главное, неоднозначность предлагаемых стратегий перехода к экономике знаний в нашей стране.

Альтернативные стратегии формирования экономики, основанной на знаниях, в России начали складываться уже в рамках трансформационного перехода к рынку и так или иначе связаны с данными процессами. Следует отметить, что эти стратегии и должны были быть альтернативными – сколь разительны стали контрасты и диспропорции в экономике, столь полярна стала и оценка происходящих перемен.

Основной пункт расхождения в различных теоретических исследованиях перспектив формирования экономики знаний в России – это представление о том, насколько готова экономика страны к такому восхождению на более высокую ступень развития, т. е. оценка ее потенциальных возможностей и реальностей осуществления этого перехода. Анализ достаточно обширного научного материала по данной проблеме, и прежде всего выяснение позиций ведущих российских и зарубежных ученых, позволяют выделить две наиболее четко заявленные главные альтернативные стратегии формирования экономики знаний в России.

Первая стратегия, которую мы называем центристской, связана с достаточно пессимистическим представлением – весь мир в лице в первую очередь развитых стран движется к экономике знаний, Россия же движется в противоположном направлении, остается пока в рамках индустриального общества. Сторонниками этой позиции выступают такие известные ученые, как С. Глазьев и Б. Салтыков. Соответственно меры, предлагаемые ими, или

очень радикальны, как у С. Глазьева, или как таковые отсутствуют и ограничиваются лишь констатацией существующего положения. Так, например, С. Глазьев считает, что происходит процесс колонизации России, позволяющий развитым странам утолять сырьевой голод и решать свои экологические проблемы, закабеляя Россию экономическими технологиями [1, с. 122-123]. С. Глазьев полагает, что государство по рекомендациям западных специалистов ушло из экономики, оно должно вернуться на свои сильные позиции. Он предлагает пересмотреть государственную политику, повернуть ее в сторону образования, обеспечивающего интеллектуальный потенциал нации. Пока финансирование образования идет по остаточному принципу, и в 2003 г. оно составило 4,2% от общего объема бюджетных средств [1, с. 235-236].

Участник заседаний Никитского клуба экс-министр науки и технической политики Российской Федерации Б. Салтыков отметил: «Я пессимист в том, что у нас можно построить общество, основанное на знаниях». Он привел такие аргументы: «Во-первых, мы слишком богаты природными ресурсами, и наивно было бы ожидать, что у нас произойдет инновационный взрыв, если те же самые дивиденды можно получить от простой эксплуатации природных ресурсов. А во-вторых, и это, может быть, самое главное, в научном сообществе страны все еще преобладает имперско-патерналистская психология. Пока старая научная элита не поймет, что мы живем в другой экономической и политической системе, ни о каком обществе, основанном на знании, говорить не приходится» (www.nikitsky.club.ru).

По мнению Б. Салтыкова, Россия – страна Кулибиных, США – страна Эдисонов. «Оба – гениальные изобретатели, но у одного все отобрали государство, а другой оформил свои права на изобретения и процветал. У нас до сих пор зна-

ния не превращаются в инновации», – констатировал экс-министр. И тем более, добавим от себя, эти инновации не превращаются в источник дохода для страны и ее граждан.

Вывод печальный. Особенно если учесть, что в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития с 1986 по 1994 г. темпы роста добавленной стоимости в отраслях, основанных на знаниях, составили 103%. В период с 1985 по 1997 г. доля отраслей, основанных на знаниях, в совокупной добавленной стоимости возросла с 51 до 59% в ФРГ, с 45 до 51% в Великобритании и с 34 до 42% в Финляндии [7].

Рациональные зерна в этих рассуждениях, безусловно, есть. О достаточно низких стартовых возможностях перехода российской экономики к экономике, основанной на знаниях, свидетельствует анализ объема услуг инновационного характера и инновационной активности отечественных предприятий. Так, в 1999 году доля услуг инновационного характера в целом по различным видам экономической деятельности в России составила 17,5% от общего объема. Минимальная доля (1,1%) – в финансовом посредничестве, максимальная (23%) – в деятельности, связанной с компьютерами (рассчитано автором по: Наука в России: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2001. С. 100). Только 931 предприятие промышленности и сферы услуг из общего числа 3,5 млн. предприятий (т. е. 26%) осуществляло приобретение и передачу новых технологий, программных средств, при этом доминирующей формой была покупка (продажа) оборудования, а не собственное производство инновационных продуктов [5, с. 101].

Между тем именно научно-технический потенциал страны оценивается достаточно высоко отечественными и зарубежными учеными. Действительно, по мнению В. Сергеева (Московский государственный институт международных отношений), часть национального богатства России, приходящаяся на инновационно-научную сферу, составляет от 20 до 30 трлн. долл. в текущих ценах. Это высокий показатель. Ученый считает, что главная проблема российской экономики заключается в формировании институциональной «прокладки», которая профессионально занимается передачей знаний в экономику. Причем это задача ближайших лет.

Впрочем, возможно, мы опять изобретаем велосипед с русской спецификой. Так, по мнению Н. Ивановой (Институт мировой экономи-

ки и международных отношений РАН), на Западе такой главной институциональной «прокладкой» является крупная корпорация. У таких транснациональных гигантов, как IBM или Intel, научный бюджет больше научного бюджета всей Российской Федерации. Отметим, что это корпорации IT-бизнеса.

В России правят балом тоже корпорации, но у них иной профиль деятельности – сырьевой. Поэтому адресовать только им выполнение функций институционального проводника и генератора знаний в инновации, приносящие богатство, было бы иллюзией. Эти проблемы должны решаться при участии государства и других заинтересованных субъектов.

Тем не менее, как ни странно, сегодняшняя ситуация для России тоже не выглядит совсем уж безнадежно. В 1998 г. Москва занимала 6-е место среди ведущих научных мировых центров, опережая, например, Нью-Йорк. Впереди были Сан-Франциско, Лондон, Париж, Токио. Санкт-Петербург тоже входил в число 30 ведущих мировых центров. Тенденция очевидна. Производство фундаментальных знаний концентрируется во все меньшем числе центров, а вот прикладное знание распространяется во всех уголках земного шара неограниченно, считает академик В. Макаров, директор Центрального экономико-математического института РАН. Причем Москва и Санкт-Петербург могут выбыть из числа центров – производителей фундаментальных знаний. На сегодня в мире всего пять стран имеют фундаментальную науку, и очень многое надо сделать для того, чтобы Россия была в числе них.

Отдельные специалисты даже называют экономику России альтернативно – экономикой без знаний и считают, что экономика знаний в РФ по сути еще не начиналась. Отметим, что данной позиции придерживались почти все участники думских слушаний на тему «Законодательное обеспечение использования научной и научно-технической продукции в гражданском обороте», которые провел Комитет Госдумы по образованию и науке. И не потому, что нет этих самых знаний. Они как раз есть. Главная проблема – не создан механизм их реализации. Существует множество барьеров. Один из самых «высоких» – проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью.

Председатель Комитета Госдумы по образованию и науке А. Шишлов подчеркнул, что заказчиком научных разработок является у нас

в основном государство. Но, вложив деньги, оно рассчитывает на отдачу. Однако, как показывает практика, ожидания не оправдываются. Так, в 2000 г. бюджетом было предусмотрено выручить от распоряжения принадлежащими государству правами на результаты интеллектуальной деятельности 12 млрд. руб., в реальности же не получено фактически ничего. В следующем, 2001-м году государственная казна пополнилась всего на 209 млн. руб. В 2002 г. правительство предусмотрело совсем скромные доходы – 200 тыс. руб. Какие же принять меры – высказываются крайние суждения.

Одни говорят, что следует вообще прекратить финансирование науки государством, что неизбежно приведет к деградации научно-технического комплекса страны. Другие, в частности А. Шишлов, за баланс интересов государства и разработчиков. По его мнению, в новой редакции Патентного закона удалось отстоять приоритет права разработчика на свое изобретение, свою интеллектуальную собственность. Следующий шаг – закон должен определить объем прав на результаты интеллектуальной деятельности, правила их передачи и пределы применения.

Руководитель департамента интеллектуальной собственности Минпромнауки России Ю. Фомичев отметил, что необходимо учитывать быстрый моральный износ интеллектуального продукта. Он полагает, что, финансируя научные разработки, государство должно заботиться не об извлечении прибыли от их коммерческой реализации, а о снижении себестоимости научной продукции. В развитых странах давно расстались с фискальным подходом к интеллектуальной собственности. Там исповедуют либеральные методы, когда право на интеллектуальную собственность закрепляется за тем, кто ее создал. Государственный бюджет при этом не страдает, он пополняется благодаря увеличению налогооблагаемой базы, уменьшению социальной нагрузки на бюджет и созданию новых рабочих мест. Однако в России законы, регулирующие институт интеллектуальной собственности, или отсутствуют, или несовершенны. Фактически нет налогового стимулирования инноваций, не полностью задействованы применяемые на практике каналы финансирования инноваций (например, венчурные фонды). Это ведет к тому, что многие известные ученые и перспективные молодые специалисты вместо предложенной им ценностной альтерна-

тивы равнения на рыночный спрос все чаще выбирают альтернативную страну с гарантированной оплатой их творческого труда.

Наиболее ценный в современном мире и дефицитный по уровню и качеству интеллектуальный ресурс оказался избыточным для теории и практики монетарного регулирования в России, а экспортно-сырьевыми бизнес-структурами оценен как «непроизводительный» в рамках общей стратегии уменьшения издержек.

Россия, по данным Мирового банка, занимает 58-е место (из 75 оцененных стран) по показателю конкурентоспособности и имеет тенденцию сойти на 63-е место к 2005 г.

Итак, сторонники пессимистической стратегии заключают: в последней четверти XX в. страна не смогла найти достойного ответа на вызов новой экономики – экономики знаний.

Альтернативной стратегией (оптимистической) является признание необходимости и возможности перехода в России от сырьевой экономики к инновационной, использующей в качестве ресурса прежде всего знания. Но пути такого перехода учеными и практиками видятся по-разному. Приведем здесь позиции наиболее авторитетных специалистов.

Так, министр образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко отмечает, что решение глобальных задач перехода России к экономике знаний может быть найдено в рамках сотрудничества и тесного взаимодействия различных групп общества – предпринимателей, ученых, представителей сферы образования. Полагаем, что в стороне не должны остаться и представители госаппарата, осуществляющие функции управления экономикой. Особая роль отведена бизнес-сообществам, которые создают совершенно новые направления развития бизнеса, изменяя структуру самого бизнеса.

Экономическая система России за последнее десятилетие претерпела ряд кардинальных изменений. Произошла резкая смена всей общественной системы – появилась и стала доминировать частная собственность, функционируют рыночные структуры, сложился механизм рыночного ценообразования и т. п. Однако многие социальные сообщества (например, бизнес-элита, средний класс и др.) сложились не полностью и находятся в стадии формирования. Существующие сообщества предпринимателей, научно-образовательные сообщества в России не в полной мере отвечают сегодняшним реа-

лиям. Процесс становления российского бизнеса носит однобокий характер и отражает развитие ограниченного числа секторов экономики. Например, есть только отдельные примеры венчурного бизнеса в России, слабо развито инновационное предпринимательство, о чем было сказано выше. Односторонне развиваются наука и образование – все еще сохраняется заметный технократический перекос, который во многом стал причиной кризиса российской науки. Сложившаяся в дорыночных условиях научно-образовательная сфера отличалась некоторой «избыточностью» и меньшим прагматизмом, чем на Западе. Но именно это и было главным конкурентным преимуществом российской экономики, т. е. накоплен значительный объем прикладных и фундаментальных исследований, многие ученые имели энциклопедический уровень образования. Когда отечественная экономика стала открытой, выяснилось, что одних только технократических знаний недостаточно, нужны гуманитарные технологии и эффективные механизмы, позволяющие трансформировать знания в рыночный ресурс, осуществлять маркетинг, обеспечивать партнерство. Дефицит таких технологий и механизмов сохраняется до сих пор.

Кроме того, произошла «деэлитизация» общества – понизился статус науки и образования. Роль научной элиты как коллективного эксперта, своего рода «третьей инстанции» сведена к минимуму, что весьма негативно влияет на процесс принятия решений о приоритетах развития страны. Укоренилось не самое позитивное мнение о бизнесменах, что не стимулирует конструктивное взаимодействие.

В России пока не сформирована система, обеспечивающая взаимодействие сообществ ученых и предпринимателей, не развита соответствующая инфраструктура. Есть только отдельные примеры успешного сотрудничества предпринимателей и ученых – благотворительные научные и образовательные программы ряда крупнейших компаний. Но это не преодолевает разобщенность различных сообществ в целом и не усиливает их участие в принятии решений для модернизации экономики. Для конструктивного взаимодействия различных сообществ и их целенаправленного движения к экономике знаний, по мнению А. Фурсенко, необходим выбор приоритетов развития отраслей и экономики страны в целом. Для этого надо четко определить правила выбора, выра-

ботать прозрачную процедуру принятия решений и обеспечить эффективную практическую реализацию процесса, возложив на государство задачу создания условий для претворения их в жизнь. Эта «стратегия общего выигрыша» предполагает также активное участие средств массовой информации в привлечении внимания общества к этим проблемам – формированию экономики, основанной на знаниях.

Сохранение сырьевой ориентации российской экономики в течение еще 10-15 лет, по мнению указанного автора, означало бы утрату возможности использовать знания как фактор экономического развития. Переход от сырьевой экономики к инновационной необходим и должен быть ускорен.

Особого внимания в силу своей концептуальности заслуживает позиция академика Д. Львова, суть которой заключается в том, что построение экономики знаний в России напрямую зависит от решения проблемы использования природной ренты и активного участия в этих процессах не только государства, но и представителей крупного отечественного бизнеса [4]. Д. Львов нетривиально оценивает результаты рыночных реформ в стране и перспективы развития экономики знаний.

Он полагает, что в результате глубоких преобразований возникли две России, не похожие друг на друга: богатая и бедная. В первой России живет примерно 15% ее населения, которое аккумулирует в своих руках 85% всех сбережений банковской системы, 57% денежных доходов, 92% доходов от собственности и 96% расходов на покупку валюты. В России бедной проживает 85% населения. Оно имеет лишь 8% доходов от собственности и 15% всех сбережений. Д. Львов отмечает, что в ходе экономических реформ мы переступили запретную границу, за которой начинает разрушаться и внутренний мир человека, и экономика. Вот центр, обнаженный нерв социально-экономического кризиса России. В качестве опоры, которая поможет подняться России с колен и снова занять достойное место в ряду ведущих стран мира, он предлагает следующее.

Во-первых, это эффективное использование природно-ресурсного потенциала страны. Ведь Россия занимает первое место в мире по запасам на душу населения нефти, газа и леса, второе – по запасам угля и железной руды, третье – по запасам пресной воды и т. д. Ежегодный размер чистых доходов от природно-ре-

сурсного потенциала оценивается в 60-80 млрд. долл. К сожалению, сегодня основная его часть «обслуживает» теневой оборот и вывозится за границу, т. е. работает на развитие западных экономик.

Кроме того, Россия – одна из основных экологических кладовых планеты. Ее вклад в сохранение экологической устойчивости мировой экосистемы вдвое больше США и Канады вместе взятых, Бразилии и Австралии. Но чтобы реализовать это наше стратегическое преимущество, необходим более эффективный экономический механизм.

Во-вторых, это эффективное использование трудового и, прежде всего, интеллектуального потенциала страны. Весь послевоенный опыт доказывает: на роль лидеров в социально-экономическом развитии претендовали государства, имеющие наиболее высокий уровень образования, науки, здравоохранения, культуры и высокую долю наукоемкого сектора экономики. Конечно, поддержание и умножение этого потенциала обходится ныне крайне дорого. Но без него нет и не может быть инновационного общества, независимого государства, способного к быстрому саморазвитию в современной сложной геополитической и экономической обстановке. В вопросе поиска источников этих преобразований Д. Львов возвращается к природно-ресурсному потенциалу России. Он приводит следующие цифры. Казалось бы, учитывая сырьевую структуру нашей экономики, так называемая нераспределенная чистая прибыль должна на 5% формироваться за счет труда, на 20% – основного капитала и на 75% – природной ренты. В реальности указанное соотношение выглядит совсем иначе: 70% приходится на труд, 20% – на основной капитал и только 10% – на ренту.

Таким образом, главная составляющая налоговых поступлений страны – фонд оплаты труда. Однако заработная плата в России является одной из самых низких в мире. Отсюда парадокс – наиболее угнетенный фактор экономики якобы создает основную часть дохода России. На самом деле это результат искаженных пропорций между первичными факторами производства. Как следствие – неоправданно высокая нагрузка на бизнес и население.

В то же время размер природной ренты, которую недополучает Россия, оценивается в 40-45 млрд. долл. – огромная сумма, близкая к нынешнему бюджету страны. Рента должна

стать стратегическим «оружием» России, главным наполнителем бюджета. Тогда резко сократится обложение труда, снизятся отчисления от прибыли, появится возможность ввести налоговые «каникулы» в отраслях обрабатывающей промышленности, поддержать науку, образование, повысить заработную плату. Кроме того, наша продукция станет намного дешевле, конкурентоспособней, появятся стимулы к созданию новых рабочих мест, наращиванию объемов производства, расширению внутреннего рынка.

Д. Львов утверждает, что начинать реформы в России следовало именно с решения вопроса о рациональном использовании природной ренты. Только тогда возможен переход к экономике знаний. Недопустимо, считает он, предельное сокращение бюджетных средств на науку, образование, их необходимо увеличить и строго контролировать расходование, а также повысить эффективность рыночной деятельности в научной сфере. В противном случае Россию ожидает деградация самой науки, катастрофическое свертывание «производства» знаний в стране. Одна из функций государства – поддержка фундаментальной науки. Науке необходимы налоговые льготы, прямые целевые дотации, законодательные акты по охране авторских прав и обеспечению соответствующих авторских вознаграждений, а также акты по расширению прав авторов открытий и изобретений на интеллектуальную собственность.

И, конечно, экономика знаний не появится без поддержки науки со стороны крупного российского бизнеса. Это должен быть долгосрочный контракт, от которого зависят судьбы страны и успехи рыночных реформ в России.

Остановимся на позиции еще одного известного ученого – В. Иноземцева [3]. Он, как и все его единомышленники, утверждает, что главный ресурс современного постиндустриального общества – знание, информация.

В. Иноземцев оценивает в целом положительно нашу систему образования, но считает только ее недостаточной для развития страны в направлении экономики знаний. Необходимо, чтобы образованность и таланты ценились, причем обществом, а не государством.

На наш взгляд, в настоящее время в экономической системе России сложились достаточно благоприятные факторы и условия, способствующие переходу к экономике знаний, и вместе с тем объективно присутствуют барьеры,

мешающими успешному продвижению в данном направлении. Эта позиция не столь оптимистична, как рассмотренные выше, но и не столь пессимистична. Назовем ее реалистически взвешенной.

Итак, по нашему мнению, к числу факторов, содействующих становлению экономики, основанной на знаниях, следует отнести:

– наличие достаточно эффективной системы образования, обеспечивающей необходимые качества и уровень человеческого капитала; так, по индексу развития человеческого потенциала (ИЧП), включающего индекс ожидаемой продолжительности жизни, уровень образования и ВВП на душу населения в 1998 г. Россия имела 0,771, в том числе по уровню образования – 0,98, тогда как США с общим ИЧП в 0,837 имели индекс по уровню образования 0,91, а Германия с общим индексом в 0,911 по уровню образования имела индекс 0,96 [6, с. 65];

– сохранение и развитие науки фундаментального и прикладного характера (строительство научно-производственного комплекса в городе Дубне в области IT-технологий);

– высокий научный и образовательный потенциал страны, подтверждением которого стали Нобелевские премии по физике, присужденные российским ученым в 2002-2003 гг. (Ж.И. Алферову, А.А. Абрикосову, В.Л. Гинзбургу);

– быстрое и активное развитие рынка информационных технологий и информационных продуктов (ежегодный прирост до 25%);

– усиление внимания государства к проблемам науки и образования – разработка целевых федеральных программ и выделение финансовых средств под них, например «Электронная Россия»;

– наличие крупных корпоративных структур, обладающих значительными финансовыми и техническими ресурсами для осуществления инновационной деятельности;

– креативность российского народа, подарившего миру величайших творцов науки – М. Ломоносова, Д. Менделеева, А. Попова, А. Сахарова и многих других. Ментальность российского народа такова, что он способен во многом решить сложные проблемы неординарно, предложив уникальные варианты использования имеющихся возможностей и увеличить потенциал экономики;

– достаточно стабильное развитие российской экономики после 1998 г., достижение высоких темпов экономического роста (в 2003 г.

более 7%), снижение официальных показателей бедности с 27 до 22%, годовой инфляции до 12%, реальное повышение курса рубля относительно корзины основных торговых партнеров на 4,1%, профицит федерального бюджета до 1,6% ВВП [2];

– постоянный и стабильный спрос на высококвалифицированные кадры со стороны внутреннего рынка труда, возможность учиться и стажироваться за рубежом. Даже «утечка мозгов» из России – это свидетельство высокого уровня профессионализма отечественных кадров и признания его на глобальном рынке труда.

Вместе с тем отметим, все эти необходимые факторы существуют разрозненно, функционируют относительно обособленно, они слабо интегрированы в единое целое. Так, наука в России испытывает постоянный дефицит средств и существует в значительной степени за счет грантов, объяснение чему мы видим в наличии барьеров разного рода, препятствующих эффективному взаимодействию этих составляющих, формированию экономической системы, основанной на знаниях.

К числу таких центростремительных сил следует отнести:

– отсутствие понимания у большинства субъектов на разных уровнях того, что знание – главный ресурс современной экономики и фактор ее экономического роста в отличие от природных исчерпаемых ресурсов;

– сохранение ряда традиций планово-государственной экономики – расчет на финансы государства, а не на зарабатывание денежных средств собственными силами (иждивенчество в сочетании с патернализмом);

– недостаточность существующего финансово-кредитного механизма в обеспечении и стимулировании развития венчурного предпринимательства, инновационного бизнеса;

– слабое привлечение средств зарубежных банков и других структур для создания и организации деятельности инновационных предприятий и использование прежде всего внутреннего рынка для сбыта инновационных технологий, товаров, созданных или произведенных российской экономикой;

– отсутствие или недостаточность институциональных механизмов регулирования процессов, связанных с формированием экономики знаний. Например, несовершенство законов, регулирующих интеллектуальную собствен-

ность, методик оценки интеллектуального капитала в рамках предприятия и для отдельного индивида;

– неразработанность механизма превращения знаний в инновации, приносящие различный доход, в том числе интеллектуальную ренту, где должны быть задействованы все основные субъекты экономики;

– излишняя бюрократизация управления экономикой;

– значительное погружение (до 40%) российской экономики в теневой бизнес, который в основном устраивает существующее положе-

ние России на мировом и расстановка сил на внутреннем рынке.

Исходя из всего вышеизложенного, полагаем, что одной из наиболее важных первоочередных задач формирования экономики знаний является создание эффективного механизма трансформации знаний в инновации, часть из которых включается в рыночный оборот, получает адекватную денежную оценку и может приносить различные доходы. Данный механизм существует в настоящее время в России в виде отдельных составляющих элементов, то есть частично.

Список использованной литературы:

1. Глазьев С. Почему мы самые богатые, а живем так бедно. – М., 2003.
2. Доклад Всемирного банка об экономике России. Февраль 2004 // www.worldbank.org.ru.
3. Иноземцев В. www.nikitsky.club.ru.
4. Львов Д. Без эффективной экономики знаний у нашей страны нет будущего // <http://www.rg.ru>.
5. Наука в России: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2001.
6. Россия и страны мира: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002.
7. Федеральная программа развития образования. – М., 2000.